

РЯЗАНОВА любят. Этому надо найти объяснение.

Само собой, любят его фильмы. Многие сотни картин бесследно канули в вечность, и названий не вспомнишь, а тут и в кинословарь заглядывать не надо — все на памяти. Причем не у киноведа, а у зрителя.

Само собой, ждут его появления на телеэкранах, потому что его имя гарантирует: вечер проведем не без азарта. Само собой, читают вздохнув его книжки — написанные в одиночку или вместе с Эмилем Брагинским, соавтором его успеха.

В сумме, я думаю, любят Рязанова — человека, который упорно не хочет представлять — ни в фильмах, ни в телепередачах, ни в книжках — лучше, чем он есть на самом деле. Именно это почему-то импонирует. Хотя, позволяя себе роскошь быть предельно естественным (иначе он, по-моему, просто не умеет), он сразу становится уязвим, и в упреках нет недостатка. Вот он приглашает на телеэкран людей, которых любит и с которыми работает, — это, говорят нам, нескромно. Вот он высказывает коллеге свое мнение не тет-а-тет, а прилюдно, прямо аж в «Кинопанораме» — и многие шокированы, потому что, по разумению этих многих, приличней держать свое мнение при себе. Недавно в Сою-

Объяснение любви Эльдару Рязанову — 60

зе кинематографистов критики обсуждали его новую картину — нет, чтобы прийти заранее покорным, поблагодарить за ряд справедливых критических соображений, которые, конечно, он примет к сведению, — ничего подобного, превратил обсуждение в фехтовальный вечер, и критики оборонялись чаще, чем наступали. Было множество неловких моментов: нарушались все положенные ритуалы и правила безопасно хорошего тона. Живой и на редкость полезный получился разговор, без псевдодипломатий, недоговоренностей и камней за пазухой. Один человек сумел навязать свой устав целому монастырю — и было это, по-моему, ко всеобщему удовольствию.

Постоянно говорят, что Рязанов много. Частично потому, что он и вправду большой и какой-то громкий, хотя и не обладает особенно зычным голосом. За словом в карман не лезет, парирует мгновенно и довольно агрессивно, но всегда справедливо. Но главное — он ставит себя в очень трудное положение. Ну вообразите: большинство режиссеров делают каждую свою очередную картину в обстановке, когда о предыдущих картинах никто не может вспомнить. И от этого каждый раз ощущение знакомства с новым обнадеживающим именем. Рязанов в подающих надежды ходил очень мало, сразу, еще с «Карнавальная ночь», оказался на юру. И пошел счет: около двух десятков лент, почти все постоянно в прокате, громоздятся друг на друга, а он, ненасытный, изобретает еще и телевизионные циклы и уже стал одной из популярнейших телезвезд, его узнают продавцы в магазинах, чего не могут достичь многие режиссеры. Это все, естественно, раздражает.

Но продавцы просто так узнавать не станут ни за что. Телеэкран показывает нам каждый день очень многие предметы, но это еще не гарантия популярности. Дефицит личностей — один из множества дефицитов, порожденных «эпохой застоя», и, быть может, самый страшный, самый вредный для нашего желания перебраться от слов к делу. Рязанов же и на телеэкране остается личностью, причем с нескрываемой, настырно постоянной позицией. Это чувствует каждый. Есть кого узнавать, с кем общаться, спорить или соглашаться, любить или ненавидеть.

Быть личностью — тоже уязвимое, конечно, положение. Пусть половина человечества любит — но ведь другая половина ненавидит. Или хотя бы просто раздражена. Почему, например, этот Рязанов без галстука? Или почему он вчера на моих глазах дважды перебил собеседника? Или почему он сказал полную дичь, ибо я с ним персонально не согласен? Первая половина будет любить безмолвно. Зато вторая напишет письма и потребует санкций. И совсем трудно, когда в этой второй половине концентрируется начальство.

Начальство есть пока еще у всех, даже у кинорежиссеров, которые личности. Начальству часто лучше, если большой всенародный успех достигается без лишних хлопот. Комедия же чревата сплошными неприятностями, всегда кто-нибудь на нее обижен. Поэтому при слове «комедия» все, кроме зрителей, недовольно морщится и мирится с ней через силу. В идеале нужно было бы изобрести такую комедию, в которой бы никто себя не узнал. Тогда все весело хохотало бы и ушло в мир. Иные мастера умудрялись достигать его и на практике — но беда была в том, что над этими комедиями никто не смеялся. Даже никто на них не ходил. Поэтому надо было терпеть тех немногих, кто умел смешить, и даже их постоянную привычку ставить какие-то дикие, несообразные условия.

Рязанов был всегда неудобен. Ему все время приходилось ввинчиваться в конфликты. Он нарушал, например, законы здравого смысла, приглашая прославленного комика Ильинского на роль серьезнейшего полководца Кутузова. Или, наоборот, брал на комедийную роль Смоктуновского, только что сыгравшего самого Гамлета. Естественно, это все было обречено на полный провал, и Рязанов был об этом многократно предупрежден, но настоял на своем, и результаты теперь очевидны всем. Некоторые его картины смахивали на злую издевку над людьми — например, «Человек ниоткуда», где Сергей Юрский в облике Снежного человека, спустившегося с гор, давал уроки этики жителям лучшего города земли. Эта картина и до сих пор почти не была на экранах, хотя хорошо бы посмотреть первую роль Юрского и заодно одну из первых работ Рязанова.

Очень зло издевался над людьми Рязанов в фильме «Гараж». Тут тогдашнее начальство прямо-таки все сделало, чтобы яд этой картины не проник в сознание зрителей — объявило ее капутником и заклеило авторов за потерю ответственности. Про капутник писали и самые послушные из критиков. И руководство на местах довольно охотно клало картину на местные полки. Но люди удивительно охочи до издевательств над собою. Все время шли письма: где «Гараж», где «Гараж»? Так что теперь эта издевка над людьми даже показана по телевидению, и оказалась, правда, не издевкой и не капутником, а одним из очень немногих сатирических фильмов, выживших в трудные годы «безгласности». Но досталось от нее каждому. И каждому пришлось, посмотрев, оборотиться на себя.

А это — предупреждали же Рязанова! — очень многим не нравится.

Но значит, это все-таки кому-то нужно, если Рязанова, несмотря ни на что, любят? Вот других, молчаливых, удобных, послушных, любят меньше. Что им, разумеется, обидно. А тут колючий, неуживчивый, злопамятный человек приобрел огромную популярность, и зрители, которые в массе и имен-то режиссерских не знают, в массе же знают Рязанова и ждут его фильмов.

Есть какая-то беспардонность в том, что он сохранил свое «я» в условиях, когда все должны были быть, как все. Или как один. Телеэкран эту беспардонность демонстрировал наглядно: у нас были, помнится, две «Кинопанорамы», одну вел Рязанов, другую другой человек. Одну все смотрели, другая была приятная во всех отношениях. Одна постоянно давала повод для недовольств, потому что Рязанов и тут высказывал свое мнение, а оно не совпадало с мнением каждого. Другая мнений не высказывала вообще, и ее смотрели вполглаза, как музыкальную паузу. Первая «Кинопанорама» в отличие от второй упрямо не вписывалась не только в интерьер благоустроенной квартиры, но и в сам период переживаемого нами тогда теоретического момента. В годы, когда у нас все было исключительно хорошо, эта «Кинопанорама» твердила, что есть, есть, есть еще проблемы, и надо их решать, хотя бы в кино. Это часто шло вразрез с авторитетными мнениями. От этой «Кинопанорамы» всегда можно было чего-то ожидать.

И ожидали. И сидели у телевизора.

Сейчас ситуация изменилась, личное мнение, своя точка зрения, высказанные вслух, стали нормальным событием — и тут как раз Рязанов вдруг прекратил дозволенные речи. Он ушел из «Кинопанорамы»,

которую не он породил и не он убьет, и создал свою программу, где теперь учит людей понимать кинематографический язык. Непокойный человек, неудобный, нестабильный. Все время нужно о чем-то жалеть — то о том, что он на экране, то о том, что его там долго нет.

Прошли три десятилетия после «Карнавальная ночь». Мы смеялись, Рязанов конфликтовал, и порой юмор его становился очень грустным. Но как-то незаметно выяснилось, что сложился целый кинематограф Рязанова, где есть все, отжнейшей лирики до дефицитнейшей сатиры, от вымирающего мюзикла до вымершей фантастики. И где смех очень часто доводит зрителей до комка в горле. И даже после истинного душа Шарко, в струях которого кипит, клокочит сарказм, злая ирония и горечь, зрители выходят как бы обновленными, влюбленными в жизнь и верящими в добро.

Потому что в самых яростных созданиях Рязанова видна душа добрейшего человека.

Выяснилось, что именно кинематограф Рязанова впервые (или по-новому) открыл нам таких любимейших актеров, как Гурченко, Леонов, Юрский, Смоктуновский, Фрейндлих, Мягков, Голубкина, Ахеджакова, Талызина, Евстигнеев, Гафт,

Яковлев, Бурков, Догилева и даже сам Игорь Ильинский.

Выяснилось, что в пестроте разнородных фильмов — удачных или неудачных — сложилась ясная и необычайно привлекательная система нравственных координат. Бюрократы, полные спеси чинуши, например, прозорливо борются с Рязановым, потому что совершенно справедливо чувствуют в нем опасного врага. Он хочет над ними, «выдохотывает» их всю свою жизнь. Он заряжает этим хохотом миллионы зрителей. А смех над тем, кто кажется сильным и страшным, освобождает нас от многих наваждений и призраков. Короли гуляют голыми. И в этом смысле целые военные арсеналы не могут вооружить людей лучше, чем умная, точная обозначившая цель комедия.

Завтра Рязанову будет ровно 60. Он ухитрился, как видите, прожить уже довольно долго в кинематографе, даже сделать в нем ряд очень удачных фильмов — и притом не войти в число «киногенералов», завидно неприкасаемых и монументальных. Он даже не обнулял расхожего стремления закамнеть в позе классика. Хотя закамнеть в принципе удобнее: и всем тебя видно, и экзаменов — то на знание Островского, то по курсу жанровой чистоты — сдавать уже не нужно.

Но он все время как бы отбрасывает прошлый, пройденный успех. И озадачивает фильмами, каждый из которых, если верить иным рецензиям, знаменует очередной этап перманентного творческого кризиса.

Он все время пытается начать с начала. Добился признания как режиссер? Автор сценариев и книг? Прозаик, юморист, сатирик? Театральный драматург? Телезвезда? Актер эпизода в собственных картинах?

Мало!!! Нужно, чтобы признали его стихи. Хотите, чтобы он вас возненавидел, — скажите, что возникли эти вам не нравятся. Он, как всегда, не полезет в карман за словом и будет писать их втрое больше.

Классик сказал: у природы нет плохой погоды. И был прав.

В. КИЧИН.

● Народный артист СССР Э. Рязанов.

Фото Ю. Белова.